

18.9.2004

ПОКУШЕНИЕ

1. Жалоба в полицию (книжный вариант)

"3 июля 2003 года мне позвонил Гидон. Он пригласил в свою контору в промзоне Иерусалима – Гиват-Шауле, в промышленных зданиях «Сапир», дом номер четыре.

Место знакомое по моим прежним работам.

Обычное дело – такое приглашение. Я инженер, двадцать шесть лет частник, мои данные в телефонной книге.

На мой вопрос, какой номер конторы, Гидон ответил, что находится она на среднем этаже.

В зданиях «Сапир» три и четыре этажа, зависит, с какой стороны смотреть.

– Так какой номер? – спросил его.

– Возле лестничной клетки, – ответил он.

Иногда нет номеров.

Гидон дал два телефона, по которым позвоню, когда подъеду. Выходят встретить, если трудно найти.

Приглашение на 6-е июля в 17:30 вечера.

Для Иерусалима час не поздний, но не для промзоны. В это время огромный двор между промышленными зданиями, обычно забитый машинами, пуст, все конторы закрыты, ни живой души, работают только до 16:00.

6-го июля в 17:15 я позвонил Гидону, что опоздаю на четверть часа. Обычно опозданием недовольны. Но он предложил не спешить и встретиться позже, в 18.30.

В 18:15 я въехал в огромный каменный колодец между промышленными зданиями, только несколько редких машин. Сразу за въездом свернул и встал между двумя машинами.

Вышел, закрыл машину. Тихо, как на кладбище.

Быстрым взглядом окинул знакомое мне место. Дома – стенки каменного колодца, с наружными открытыми коридорами.

На третьем этаже дома номер четыре увидел единственного человека на всю эту пустоту. Крупный человек вытянулся в мою сторону, рука впереди, а в ней, похоже, телефон.

Махнул ему рукой, но он испарился в сторону лестничной клетки.

Я пошёл к этому подъезду и звонил по двум номерам телефонов: один – отключен, второй – надрывался от гудения.

Высшая Сила развернула меня обратно, потащила к машине, открыла заднюю дверцу вместе со мной, потому что я мешкал, затолкала на заднее сиденье и закрыла дверцу.

Я продолжал звонить.

Вдруг взорвался воздух от мотоцикла без глушителя. А я жал на спасательные кнопки телефона.

Стенки машины не спасали от грохота.

Хотел посмотреть в окно, но не мог шевельнуть головой. Высшая Сила вдавливала меня в сиденье, и я съезжал вниз, между сиденьями, пока голова не опустилась ниже окна.

Мотоцикл на сверхскорости резал двор из конца в конец, от дома к дому. Взрывы мотоцикла без глушителя усиливал каменный колодец.

Последний взрыв перешёл в пронзительный уносившийся свист.

Тяжелая и долгая минута улетела вместе с улетевшим мотоциклом.

Такой тишины после мотоцикла без глушителя я ещё не слышал.

Не смотрел по сторонам.

Перешёл на переднее сидение, медленно сделал реверс и выехал со двора.

Было – 18:30. Пустые шоссе опустевшей промзоны. Семафоры только зеленые. Быстро уехал далеко.

В 18:40 зазвонил телефон.

– Михаэль, где ты? – спросил Гидон, удивленный и испуганный.

– На Агрипас, – ответил.

Я ехал в полицию на «Русском подворье» подать жалобу о покушении.

Обычное дело – звонок после несостоявшейся встречи. И если по моей вине – ответ однозначен: а пошёл ты...

Гидон молчал.

– Повезло вам, – продолжил я, споров глупость.

Гидон не отключал телефон.

– Повезло вам, повезло, – продолжал я пороть глупость.

Смешно, отметил его удачу, по сравнению с другими убийцами, вытащить меня на расстрельную площадку.

Я выключил телефон.

Заключение:

Не первый раз хотят меня уничтожить.

На этот раз – в промзоне, чтобы сказать, что это дело арабов или преступного мира.

В прошлый раз пригласил меня другой агент, по имени Морис, телефон 050-520621, – пригласил на пустынную площадку в районе Гило, которая простреливается из арабской Бейт-Джалы.

Это он, тот же агент Морис, снова всплыл за несколько дней до агента Гидона и снова приглашал меня куда-то. Я не дослушал и ответил, что не работаю.

Вот тогда позвонил Гидон.

Разве Гидон и Морис – не агенты кэгэбэ?

И еще другие были западни.

Например, избиение в «Саду роз» возле кнессета 22.12.1997, чтобы я ответил на избиение и получил пять лет тюрьмы. Безостановочно щелкали фотоаппараты.

Но тюрьма не состоялась – я не ответил.

А разве эти двуногие с фотоаппаратами – не агенты кэгэбэ?

От инквизиции до израильского кэгэбэ – одно и то же: «Дайте нам человека – дело будет».

Или уничтожить.

Если даже будет найден какой-то преступник, то всё равно за ним стоит кэгэбэ, который прослушивает меня 25 часов в сутки и не пресёк покушения.

Заинтересован в моем уничтожении кэгэбэ государства, т.е. само государство.

Заинтересованы в уничтожении моих мыслей и книг.

Я горжусь этим.

Через три дня после покушения я передал в типографию рукопись трилогии: «Мой Израиль», «Мудаки», «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

29.7.2003 книга увидела свет.

В ней я пишу, что быть этому государству до 2018 года.

Кэгэбэ отвечает: А мы уничтожим тебя – сегодня!

Русский КГБ не уничтожил меня в 1972-ом за «Мой Израиль».

Израильский кэгэбэ хочет уничтожить меня за «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

Добрые люди спрашивают: «За что это они тебя?»

Значит, знают, что могут уничтожить».

Конец жалобы.

2. Обращение к руководителям государства

«13.7.2003

6-го июля 2003-го было покушение на меня.

Господа, это вы,

и те, кто были до вас,

и те, кто будут после вас,

и ваш кэгэбэ –

убиваете мои взгляды, мои мысли, мои книги».

3. Учитель учит: «Не обещай, а сделай»

И я не обещал.

Но знал, что сделаю новую книгу.

Давно знал, еще до того как в 2001 году поставил точку в книге «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

Но удержался, не написал, что будут затыкать рот.

Знал, что никто не поймет, если заикнусь об этом.

Как сказал один из друзей уже после покушения, коротко и уверенно: «Преувеличиваешь!» И исчез. Но чуть позже, чем я понял, что больше ему не позвоню.

А во втором издании книги «Прощай, Израиль... или Последняя утопия», 31.12.2002, не удержался и оповестил читателей: «Все это возможно, но обязательно только одно: расправа с инакомыслящими».

К третьему изданию книги «Прощай, Израиль... или Последняя утопия» для книги-трилогии заказал обложку – всю в огне.

Осталось только дожидаться предвиденной расправы.

И дождался – покушения.

За три дня до передачи книги-трилогии в типографию.

А новая книга началась под условным названием «Предобвальные будни».

Это две страницы – «Жалоба в полицию».

Но это новая книга.

Все, что ещё будет написано, – комментарий к двум страницам.

Сколько их будет – всех страниц – знает Всевышний, благословенно Его Имя.

4. Преступная полиция и тайный мир

Тайная полиция и преступный мир.

Это еще вопрос: как кого называть?

Этажи преступной полиции уходят вверх от земли, этажи тайного мира уходят вниз от неё.

На земле – хотения и сладкие удовлетворения.

Девочки.

Иголки.

Дым – коромыслом.

Деньги – на бочку.

Где – кто? И кто – где? И кто – кто?

Сотрудников-преступников двух ведомств не различить.

Когда с верхних этажей спускается на землю разрядка – убрать, она заказом исчезает под землю в глубинные этажи.

И концы – в воду.

А дальше – работа, занятие, дело.

Заработок.

Никакой политики.

5. Четыре рава

Четыре рава, которых можно назвать моими, знали о покушении.

Прошла неделя.

И еще два дня прошли.

Позвонил рав, которому оставил на его телефоне подробное сообщение сразу после покушения.

Взволнованным голосом он сообщил, что два дня был в Гедере.

Я молчал.

Он спросил:

– А как у тебя с этим – ну, что ты там оставил на телефоне?

– Благословен Всевышний каждый день! – ответил я.

Он боялся слова «покушение».

Семьдесят километров от Иерусалима – это что? – заграница, откуда, как в начале прошлoм века, не дозвониться?

Куда подевалась острота его ума, которая окрашивает его беседы? И памяти никакой. Ну ладно, за два дня оправдался, а про еще целую неделю – забыл?

Он-то знает, кто меня преследует.

Бойтсч кэгэбэ.

Бойтсч чекистов.

Мальчишка-чекист делал из таких тряпку.

Это мы проходили.

Еще два рава знали.

Их рассказы – окажутсч похожими.

Позвонил рав Ицхак Зильбер.

Сказал решительно: «Я еду к вам».

Я знал, что ему запрещено двигаться.

С трудом уговорил Учителя не ехать.

6. Ты – пастух

Ты – пастух.

А он – барашек твоего стада.

Волки высмотрели его.

Чуть не задрали.

Ты боишься волков.

Волки рядом-кругом.

Но ты спешишь к нему.

Ты же пастух...

Ты – Учитель.

А он – твой ученик.

Его преследуют кэгэбэ, преступники.

Ты боишься преступников.

Ещё больше боишься кэгэбэ.

Ты смотришь на телефонную трубку.

Конечно, они его прослушивают.

Ты боишься преступников.

Ещё больше боишься кэгэбэ.

Но ты боишься Б-га.

Ты очень боишься кэгэбэ, преступников.

Но Б-га боишься чуточку больше.

Ты – Б-гобоязненный, ты – боящийся неба.

Ты поднимаешь телефонную трубку.

7. Читал о Б-гобоязни

Читал о Б-гобоязни, о боязни неба.

Видел – глаза закатывают к небу.

Слышал: «Главное – Б-гобоязнь, боязнь неба».

Сам говорил другим: «Главное...»

Не врал.

А не знал.

И вот – знаю.

Можно бояться всего-всего.

Можно бояться очень-преочень.

А Б-га бояться чуточку больше.

И ноги бегут на заповедь.

8. Знал: мужество, героизм, доблесть

Знал: мужество, героизм, доблесть.

Слышал от других: «Главное...»

Сам говорил другим: «Главное...»

Не врал.

Знал!

Чтобы оставаться человеком, когда от страха ноги не идут, но мужество, героизм, доблесть ведут.

И как было мало тех, кто шли, волоча ватные ноги.

Давно это было.

И долго, все годы, был горький осадок: как мало.

И не захотелось быть мужественным, героическим, доблестным.

Кому это нужно?

Мне? Чтобы оставаться человеком?

Но я еврей. И должен оставаться евреем.

Вот это нужно моему Б-гу.

Его бояться. Быть Б-гобоязненным. Быть боящимся неба.

И какое значение: сколько их – боящихся неба?

И вдруг вспомнил старую песню:

«Не боюсь я никого,

Кроме Б-га одного!»

Ой, как просто.

Это сейчас просто.

Плакать хочется.

Вы слышите?!

«Не боюсь я никого,

Кроме Б-га одного!»

9. Просьба: не приходить

Среди рабаним получилось: один из четырех.

Среди прочих...

Знают прочие.

Просьба: не приходить.

Будет Хевра Кадиша – и прекрасно!

Сидят они в своей машине на лавочках вдоль окон, по обеим сторонам от носилок. Не смотрят по сторонам. Перед ними носилки.

В их глазах правда жизни. Её они не скрывают. Дома дети, тесно, жена с младшим на руках крутится по хозяйству.

А они делают заповедь. Шепчут вечные слова. Честная работа. Что-то зарабатывают.

Возле разрытой ямы не ищут чистого места, сыплют землю в яму и в ботинки.

Над засыпанным просят простить их.

Их прощу и поблагодарю.

10. На тропе к моему Израилю

На тропе к моему Израилю в начале семидесятых писал книгу «Мой Израиль». Ощущал, что утопия ломает руки-ноги, отбивает внутренности, но не убивает.

В начале девяностых писал «Прощай, Израиль... или Последняя утопия». Ощущал, что утопия убивает.

Там – глубокой ночью на безлюдной окраине города крадутся за спиной, постукивая подкованными каблуками, – грубое запугивание.

Здесь – обворожительная улыбка, ласковый голос, добренькие глазки – стерильно чистое убийство.

Там – пугали, но не убивали, потому что упились кровью.

Здесь – не пугают, но убивают, потому что ещё не упились?

Там – пугали, но не убивали, потому что не могли спрятать концы.

Здесь – не пугают, но убивают, потому что могут спрятать.

Времена новые – много не надо: рава Кахане да его сына – вполне хватит. Да ещё тысячи помельче – в придачу.

И страх подкреплён, подпёрт, поддержан.

Без страха утопия – не утопия.

Все должны бояться – и вцепившиеся в руль, и хватающиеся за заднее колесо.

Чтобы знали: убить можно любого.

И любой смысл придать убийству.

Вот тогда будет порядочек.

11. Я не оборачиваюсь

Я не оборачиваюсь.

Страшное – не за спиной.

Страшное – везде.

Страшное – каждая секунда.

Страшное – ощущаешь.

Как змею.

Ползущую и шипящую.

Когда спущена разрядка убрать, страшные сигналы поступают извне.

Пугают.

Деморализуют.

Парализуют.

Продвигаешься по страшному пространству.

Страшное время продвигается рядом.

Когда почувствовал страшное, выбрал двоих из героев. Знал их по прежней утопии. Объяснил, что если со мной случится обычное или необычное, что случается со всеми смертными, и вот меня нет – знайте: меня убрали.

И вот покушение.

Звоню героине. Успел сказать:

– Было покушение на меня.

– Ой! Не втягивай меня снова в московские дела! – был недовольный её ответ.

Моя телефонная трубка отправилась на своё место, а из неё доносилось: «А как жена? Как дети?»

Герой слушал дольше. Но вдруг, совсем не вдруг, спохватился:

– Сейчас позвонят из Америки!

Да, да, – мои последние слова.

Чтобы знать, кем был кто-то в той утопии, достаточно видеть, кто он есть в этой утопии.

12. Других героев не искал

Других героев не искал.

Бесполезно искать героев в утопии.

Но звонил во все концы. Просил афишировать покушение.

Позвонил начальнику известного сайта. Подробно рассказал о покушении. Попросил дать короткое сообщение.

– Но это же не доказано, – тепло возразил он.

– А что нужно для доказательства? – спросил. – Мой труп?

– Б-же упаси! – испугался он. – Но это не проверено.

Как можно вежливо поблагодарил его.

Нашелся товарищ помогать – афишировать, как я просил.

– Без подробностей, – сказал он, – трудно объяснить людям – не понимают.

Отправил ему «Обращение в полицию».

Тогда он заявил мне:

– Так не пишут. Нужен документ. Чтобы всё было по пунктам. Непонятно, было ли покушение.

– Но оно было! – Мне стало стыдно, что годами играюсь в товарищей. И не только с ним одним.

– Так, как написано, покушения не было! – поучал он.

Мне плевать на свою гордость. Я согласился, что написал галиматью, если ему так хочется.

– Неважно, как написано, – сказал я с надеждой, – покушение было или нет?

– Нет! – ответил он еще тверже. У него тоже была гордость – только он умеет писать, как надо. И он её не растоптал.

Я попросил больше не звонить мне.

Молва о покушении всё-таки разнеслась. Говорить по телефону стало удобнее.

– Алё? – отвечают на том беспроводном конце.

– Игаэль? – спрашиваю я.

И сразу: ту-ту-ту.

Повторно звоню, отвечает автомат: телефон отключён – позвоните позже.

Гораздо удобнее!

13. Себя не жаль

Себя не жаль.

Дерево посадил.

Камень в землю положил.

Из родника родной земли пил.

Все деревья помню.

Солнце клонилось к субботе.

Я кончал с последним саженцем.

Рядом встал маленький мальчик, его приготовили к субботе и выпустили, чтобы не мешал, – умытый и отглаженный.

– Шабес, – упрекнул он.

– Ещё не шабес, – ответил я.

На саженце был ком земли там, где корни. Нейлоновый мешок плотно облегал ком. Яма была готова. Из одного ведра налил в неё воду, она медленно уходила, впитываясь в землю. Второе ведро стояло полное – полить после посадки.

–А эта вода зачем? – спросил мальчик.

– Дам дереву попить.

На влажное дно ямы засыпал чёрную богатую землю. Разрезал осторожно нейлоновый мешок – не разрушить бы ком и не повредить корни. Двумя руками поднял ком с саженцем и опустил на дно ямы. Между комом и стенками ямы засыпал чёрную богатую землю. Немного подмял её, чтобы вода текла к деревцу.

И прежде чем вылить воду, опустил черные руки в ведро с прохладной водой. Земля слезала с рук, и два бурых пятна расходились по воде.

– Зачем ты пачкаешь воду? – рассердился мальчик.

Я выпрямился. От долгого сидения на корточках затекли ноги. Голова закружилась. Солнце ослепило глаза. Я покачнулся.

– Больше не буду пачкать воду, – ответил.

Я лил воду вокруг деревца, и она быстро уходила в землю.

На пятом этаже открылось окно, позвали мальчика.

Прежде чем убежать, он посмотрел мне в глаза.

Я понял – он меня простил.

Все камни помню.

Большая луна в чёрном небе. Иудейская пустыня. Десять вагончиков рядом. Светло, как в городе. Все спят. Я охраняю. Моя смена. «Узи» в руках. Забора нет. Есть ворота. Делаю круг от ворот и до ворот. И быстро – к своему вагончику. Днём положил несколько камней в землю. Камней вокруг много. Подбирал, подгонял – получилась маленькая площадка. Никак не налюбуюсь. Тишина. Скрипит закрываемая ставня. И снова круг от ворот и до ворот.

Через год работники Сохнута решали, кому здесь оставаться. Раздали конверты жильцам вагончиков. Объяснили: пишите на своих соседей что хотите.

Чиновник, имевший доступ к личным папкам – они считались секретными – сообщил мне, что в моей папке сорок жалоб со стороны соседей.

То есть девять вагончиков настрочили сорок жалоб.

Одна из жалоб – во время дежурства занимается личным хозяйством. Вспомнилась скрипнувшая ставня.

Но больше запомнилась жалоба, что ворую цветы у соседей.

Тот же чиновник рассказал, что в армии окончившим офицерские курсы раздают конверты – писать друг на друга.

14. Себя жаль

Себя жаль: жить в двух утопиях.

И двухчасовой перелёт из одной в другую.

В первой было стыдно.

В партии не состоял, никаким секретарём не был, никуда не лез, никаких постов не занимал, «убийц в белых халатах» не осуждал, но было стыдно.

Вышел на тропу к моему Израилю – больше не было стыдно.

Во второй было стыдно.

От красных бежал, от партий бежал, от покровителей бежал, от подачек бежал, но было стыдно.

Вышел на тропу за мой Израиль – больше не было стыдно.

15. Израильским писателям не звонил. Кто я для них?!

Израильским писателям не звонил.

Кто я для них?!

Но с одним писателем случайно знаком, приятнейший человек, интеллигент, профессор.

В дома не захаживали, но дарили друг другу свои книги.

Он мне – на правильном иврите.

Я ему – суррогаты переводов с русского.

В его книгах читал по несколько страниц – больше не одолеть с моим ивритом.

Прелесть языка понять – тем более.

Поэтому, когда дарил книгу, честно писал: «Писателю такому-то от Михаэля».

Он тоже, даря свою книгу, написал о моей книге «Мой Израиль» честно: «Писателю такому-то, здесь немного из мыслей, тоски и мечтаний, которые нашел в твоей книге – немного по количеству и много по качеству».

Про книгу «Прощай, Израиль... или Последняя утопия» сказал мне: «Прочёл и всю ночь не спал».

Ему я позвонил:

- Было покушение на меня.

Он ответил:

- Если тебе все равно, позвони через полчаса, у меня сейчас люди.

- Да, да, – мои последние слова.

Тема покушения вообще не разработана.

Вот смерть – до мелких деталей расписана.

Проводы покойного.

Посещение его скорбящих родственников.

Совместная молитва со скорбящими.

И всяких скорбных фраз – мешок.

И скорбный голос – очень к месту.

А вот покушение – сплошная отсебятина.

Делай – что хочешь.

Всё разрешено.

Поэтому я больше не звонил – моя отсебятина.

Он – тоже. Это его отсебятина, но и здоровый стандарт утопии.

16. Израильским писателям не звонил. Кто они для меня?!

Израильским писателям не звонил.

Кто они для меня?!

Амос Оз:

«Шайка "Пульса Денура" пришла к воротам беэр-шевской тюрьмы с пирогами, букетами цветов и подарками. После того, как им не разрешили войти, чтобы порадовать убийцу и нарадоваться им, эти подстрекатели

убийства заявили, что государство наше недемократическое. Абсолютно справедливо требовали демонстранты возле ворот беэр-шевской тюрьмы, чтобы их пустили внутрь. Законодательство, прокуратура и суд должны удовлетворить это требование, и как можно скорее: место подстрекателей к убийству действительно рядом с убийцей – за решёткой, причём, с внутренней стороны». («Новости недели», 30.5.1997)

Делиться с такими печальной участью писателя в утопиях?

Хреновый писатель.

Хороший советский писатель.

Хороший провокатор, прокурор, судья.

Важный в шайке убийц.

Перст, указующий жертву.

Лишь потом спускается разрядка: убрать.

Выбирают недоброжелателя.

Подъезжают к недоброжелателю: «Можно убрать совсем дёшево – у многих на него зуб».

Недоброжелатель повязан – еще не заказчик, но ему уже не открутиться.

Большое утешение – дёшево.

Выбирают одну из банд, которые держат для мокрых дел, – подходящую под заказчика по манерам, языку, привычкам.

Хорошие деньги – на бочку.

Банде показывают заказчика.

Заказчик заказывает у своих.

Это успокаивает.

Появляются морисы и гидоны, наводчики, мотоциклы.

В случае провала сдают заказчика.

В особом случае сдают банду, когда надо охмурить общественность, то есть успокоить.

Амос Оз выходит сухим.

Всегда.

Я вызову эту сволочь на дуэль.

Только утрясу нужные страницы.

17. Давно убивают

Давно убивают.

Что видел у чекистов – уже много.

Что не видел у них – рука Б-жья: убережь меня.

Что не срабатывало у чекистов – указание Б-жье мне: делать Б-гоугодное.

Позвонил один. Слово за слово. И говорит мне:

- Они тебя убьют.

- А хрен с ними! – ответил.

А разговор был не об этом, совсем о другом.

Но человек это произносит так просто, как выпивает глоток воды.

И человек на это отвечает, как отмахивается от назойливой мухи.

Это достижение утопии.

Страшное – должно быть обычным.

Неизбежным.

Рядом.

Повседневным.

Ежечасным.

Как автобусы, которые должны взрываться.

А в них надо ездить.

Чтобы была полнейшая обречённость.

И согласие на обречённость.

Чтобы никакой крамольной мысли.

Давно убивают.

Не только меня.

18. Топтуна, одного из моих, переводят в Кирьят-Арбу

Я сидел возле редактора в конторе, в центре Иерусалима. Он заканчивал мою трилогию. Оба уставились на экран.

Мой топтун Коренблит вошёл очень браво.

- А, книгу делаешь, – кричал он весело от входа.

Я не ответил.

А пошёл он...

Топтун не обижается. Такова инструкция. Он должен смеяться.

Топтун всех знает и все знают его. Такая задача.

Что он чекист – знаю только я.

Переходит от стола к столу, говорит всем и никому.

Главное – чтобы услышали: «Дают комнату в Кирьят-Арбе. Переезжаю».

Мне бы догадаться, что спущена разрядка на меня. А топтуна снимают с ненужной уже точки.

Не пачкать руки этой блядью, схватить за воротник: «Валерчик, ведь ты знал, что убивают!»

Затягивать воротником: «Ведь знал, что убивают!»

Кричать сквозь зубы: «Ведь знал, что убивают!»

Догадался о другом: тайная полиция усиливает присутствие в горячей точке.

Слышал, что молодой русскоговорящий рав создаёт там красные бригады.

Бред какой-то!

Не раз чекисты предлагали мне по телефону создавать организацию.

Решил позвонить: предупредить о чекисте и сообщить о покушении.

И дать по мозгам мудакам.

Но вежливо.

Звоню. Создатель бригад на проводе. Решил начать с самого серьёзного – не о чекисте, которых там хватает и без моих.

Назвал себя и успел только сказать: «Было покушение на меня».

Ответ последовал незамедлительно: позвонит через полтора часа.

Можно отстраниться от чужой неприятности.

Или от подозрительного случая.

Или от подозрительного человека.

Но обещать и не сделать.

Начинающий знает: грех.

Жуткая девальвация слова «рав».

19. Памяти рава-маляра и маляра-рава

О многих поступках в жизни сожалею.

Если записать, будет толстая книга.

Однажды, по рабочим делам, катил на своём драндулете после урока рава Зильбера. Перед ним был урок рава Йоэля Шварца. А перед ним урок рава-маляра Немировского.

До обеда он учился сам и учил других, а после обеда работал.

Когда я повернул со Шмуэля-анави и круто поднимался по Ехезкэль, рядом с тротуаром толкал тележку рав Немировский. На тележке были большие банки с краской, в них он упирался и толкал тележку в гору.

Лицо согнувшегося рава и моё лицо, сидящего за рулём, оказались рядом. Мы кивнули друг другу.

Первое, что пришло мне в голову: тележка не войдёт в драндулет.

Многие годы за рулём научили улавливать в глазах людей даже скрытое желание, чтобы их подвезли.

Но глаза рава только приветливо улыбались.

Однажды рав попросил подвезти в дальний район, куда с тележкой не добраться. Пока мы загружали краски, кисти, лестницу в машину, рав рассказывал, почему вынужден попросить меня. Водители автобусов с высоты своих кресел не дают ему подняться со схваченным в охапку имуществом. А вызванные таксисты подъезжают, осматривают выставленное к погрузке на тротуаре и уезжают обиженные.

Моя машина уносилась вперёд от тележки рава. С каждой секундой росла невозможность остановить её из-за множества машин на дороге.

Если бы в его глазах была искорка просьбы.

Мне было бы легче остановиться.

Я бы остановился.

И свершилось бы чудо – тележка вошла в драндулет.

Если бы остановился.

Я плачу.

- За мои грехи умираю, – сказал рав.

Я сидел у его постели. Я не поверил.

Весь он – от глаз до ног, которые уже плохо слушались, – не просил помощи.

Перед такой силой я боялся произнести слово.

Через несколько дней он умер.

У него не было телефона.

У него не было чековой книжки.

Время не согнуло его.

Верхняя одежда выглядела старше его.

Учил меня:

«Не смотри по шляпе».

«Не суди по бороде».

Я случайно узнал, что он герой.

И раскрыл это в книге «Мудаки»:

«Ешиботник из Меа Шеарим ушёл на фронт, находившийся в нескольких километрах, за Баит-веГаном. Евреи были на высотке, египетский батальон – под высоткой. Прославленный египетский батальон успешно продвинулся к Иерусалиму.

Перед началом боя на высотке были тридцать парней, которых спешно собрали и послали на последний рубеж защиты Иерусалима. За спиной был Баит-веГан, были видны дома, женщины, дети – без мужчин: все были призваны.

К десяти часам вечера египтяне начали: засыпали высотку снарядами и минами, пулемётные очереди прошивали высотку во всех направлениях. Ешиботник оказался в одной землянке полметра на полметра со Шломой Броером. Пули свистели над их головами. Первым бежал командир в первые полчаса боя, за командира стал ешиботник. В паузах между снарядами сотни глоток ревели: "Вырежем евреев! Вырежем евреев!"

В течение ночи были убиты и ранены около двадцати парней, ещё несколько – бежали.

Четыре часа утра. На высоте – ешиботник, Шломо и маленькая пушка, и к ней только шесть снарядов, поэтому ночью из неё не стреляли. Перед ними были зверем ревелившие египтяне. За спиной в домах – дети и женщины.

Закрыв глаза ешиботник и увидел резню, которую устроят там через пару часов, озноб охватил его.

Египтяне решили, что дорога на Иерусалим открыта, и начали продвигаться, крича: "Вырежем евреев! Вырежем евреев!" Для большей уверенности они бросали вперёд гранаты.

До египтян было несколько десятков метров. Попросил ешиботник Шлому оттянуть пружину у пушки. Оттянули. Выстрелили. Снаряд разорвался в самой гуще египтян, но кричащая масса двигалась по инерции и была уже близко. Снова выстрелили. В упор. Взрыв. Крики ужаса. Животные крики. Египтяне повернули и побежали.

Иерусалим был спасен.

Днём подошло подкрепление в сто двадцать солдат, они присоединились к остаткам отряда ешиботника и преследовали убежавший египетский батальон.

Через две недели вернулся бежавший командир. Потом какие-то мудаки сверху наградили мудака снизу, этого командира, какой-то мудацкой наградой и он рос и дорос до полковника армии обороны Израиля. А ешиботник рос и дорос до рава армии Всевышнего, хранящего Израиль в тысячелетиях».

Никакими словами не оправдаешься, человек хороший.

Тележка не входит в драндулет?

Лучше не придумаешь.

Остановись.

Встань рядом с маляром.

Толкай с ним тележку в гору под музыку криков водителей и гудящих машин.

Эта «Патетическая симфония» посвящается тебе.

Толкай с равом прямо в рай.

Но не остановился.

За свои грехи умирать будешь, человек хороший.

Были рабаним – дровосеки, пахари, сапожники.

И вот был – маляр.

Значит, не всё уж так плохо.

20. К четвёртому месяцу покушения

В ноябре 2003 был четвертый месяц покушения.

И восьмая годовщина памяти Рабина.

В день Рахель-Имейну или Шмуэль-Анави молятся, танцуют, поют.

В день Любавичского рэбэ у его хасидов – грех не напиться.

У хасидов Рабина на площади Рабина в день Рабина праздник – не праздник.

Что хотят тысячи скорбных, понурых голов?

Что хотят рабины?

Что хотят амосозы?

Что хотят шимонпересы?

Всё у них есть!

Наследие Рабина!

Рабиноведение!

Рабиноведы!

Рабиноцентры!

Рабиноулицы!

Рабиноплощади!

Рабинопраздники!

Во весь экран телевизора скупая женская слеза... не получается.

Специалистка по слезе – напрягается.

Специалисты по оболваниванию – выкладываются.

А слеза не выдавливается.

Время идёт, а скупой женской слезы нет.

Крики с трибуны: «Убийцы!»

Крики с площади: «Убийцы!»

Все, кто не с ними, – убийцы.

Крови они хотят.

Крови отмщения.

Ритуальной.

На празднике идолопоклонников.

И так из года в год требуют крови.

Чекистская расстрельная тройка в тот год решила, что сойдёт и моя кровь.

Чтобы праздник был праздником!

Взяли для раскрутки четыре месяца.

Отделы тайной полиции, прокуратура, пресса, радио, телевидение, разработают тему Михаэля – из шайки Пульса Денура, как указал прокурор Амос Оз.

Со свистом и причмокиванием, облизывая пальчики, обсосут каждую косточку; сжимая зубами, высосут вкусненькое.

Сшили папки-дела.

Подготовили грязные личности.

Спустили разнарядку.

Чтобы побольше радости: до всех доберёмся!

Тысячи радостно поднимут головы, подмигивая друг другу: до всех доберёмся!

Амос Оз торжественно поднимет перст карающий: до всех доберёмся!

Основоположник мудро подопрёт кулаками подбородок: до всех доберёмся!

...На кладбище основоположник стоял рядом со мной.

Давно это было.

Хоронили человека, которого он узнал здесь, а я знал по Москве.

Его единственный охранник ковырялся в ногтях. Упражнение под названием: «Свободные руки готовы к делу». Профессионально, но не достаточно.

Моё упражнение под названием: «Эти всегда чешутся».

Моя правая рука спокойно чешет правый бок. Потом немного под пиджак.

А далее – секундное дело.

И основоположника – нет.

Нету маленького человечка.

Сколько крови на его душе.

Моя – тоже.

Пшик – и нету.

Но я это не делаю.

Нееврейское это дело.

Вместе с ним с трудом был миньян для Кадиша.

День четвёртого месяца покушения прошёл за этим текстом.

21. К пятому месяцу покушения

По поводу плевка на памятник Рабину, из-за чего вся утопия стояла на ушах.

Завещание.

Разрешаю плюнуть на мою могилу.

Разрешаю высморкаться.

Разрешаю вытереть обувь, как о тряпку.

Разрешаю снять прилипшую к подошве грязь о кромку.

Разрешаю ругать и проклинать.

Разрешаю стукнуть по плите. Рукой или палкой. Только не ломать. Из плит можно выложить дорожку к уборной.

Разрешаю сходить по нужде. Нет уборной.

Хозяин Мира знает, что причитается мне, а что – не считать.

22. Полугодовщину покушения провёл в тихом кругу бумаг

6.7.2003, время 18:25. Покушение.

6.7.2003, сразу после покушения. Полицейский участок на Русской площадке, отделение жалоб населения, комната ожидания для посетителей, пятеро полицейских развалились на диванчиках, отдыхают, скучно.

Почти всех знаю. Знают и меня.

Я их явно развлекаю.

- Вот именно, Бабель, – тычет в меня пальчиком хорошенькая полицейская. Она приставляет пальчик к виску, хмурит личико. Кому не лень – улыбаются. – Вот именно эта деталь, что тихо, как на кладбище, – подозрительная.

По очереди или вместе они смеются надо мной ещё несколько минут. Их скука не проходит.

И принимать жалобу о покушении не хотят.

Еду домой.

Но в двенадцать ночи звоню по один-ноль-ноль. Сообщаю дежурному о покушении и о непринятии жалобы. Говорит: приезжай, примут.

Еду.

А там – самая работа. Комната ожидания забита приведёнными в наручниках и ножницах. Затерялся среди приведённых и оперативников. До меня никому нет дела.

Под утро уехал ни с чем.

На дорогу один сердобольный оперативник спросил:

- Ты откуда?

- Из Рамота.

- Езжай туда – примут, – посоветовал он.

7.7.2003. Полицейский участок в Рамоте.

Сажу напротив следователя и, когда он не дремлет, – рассказываю; а когда он дремлет, – молчу. Временами он бодро встряхивается, повторяет мои последние слова, смотрит на меня удивлённо и снова дремлет.

Возможно, у него метод такой, а наверное – недосыпает.

Даёт дельный совет, как мне кажется: написать письмо и подать ему.

8.7.2003. Подаю ему мою жалобу полиции и прикладываю книгу «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

Выясняется, что он просил совсем другое письмо – жалобу на полицейских, которые не приняли мою жалобу. Пишу жалобу на месте. Обе бумаги и книгу он оставляет на своём столе.

В дальнейшем уточнил жалобу полиции и 31.7.2003 передал ему. Моя книга лежала на его столе.

8.7.2003. Разослал жалобу полиции кому только посчитал нужным.

Никакая газета не напечатала.

Никакое радио не сообщило.

Никакое теле не показало.

Никакая общественная организация не ответила.

Ответ из министерства полиции от 14.7.2003: «В вашем письме подозрения о "тайной полиции государства Израиль", которая хочет вас уничтожить. Если ваша жалоба существенная, обратитесь в ближайший по месту жительства полицейский участок».

13.7.2003. Разослал «Обращение к руководителям государства»: президенту, премьеру, председателю кнессета и министру полиции.

Ответ президента от 20.7.2003: «Уведомляем вас, что копию вашего письма направили ответственным организациям, чтобы ответили вам, а копию направили нам. Мы надеемся, что их ответ не замедлит себя ждать. Пользуемся случаем пожелать вам здоровья и всего хорошего».

20.7.2003 полиция изменила своё решение: «Дело передано назначенному для этого офицеру по жалобам общественности Иерусалимского района. В его обязанности ответить».

Независимо от благоприятного ответа полиции, я поблагодарил президента за тёплое письмо.

Ответ госконтролёра от 9.7.2003: «Если вы не получите ответа из учреждения, в которое обратились, в течение приемлемого срока или ответ не удовлетворит вас, можете снова обратиться в отдел жалоб населения, который проверит, есть ли надобность устроить разбирательство по делу».

24.9.2003 послал письмо министру внутренних дел и копию руководителям государства: «6.7.2003 было покушение государства на меня. Я требую освободить меня от гражданства преступного государства».

Ответ президента от 7.10.2003: «После получения вашего первого письма мы обратились в ответственные организации выяснить возможность помочь вам, но, к сожалению, еще не получили ответа. Мы посылаем им напоминание в надежде, что их ответ не замедлит себя ждать. Как только получим ответ – напишем вам».

Известный адвокат бесплатно объяснил мне, что могут не отвечать годами, а затем отписаться.

Мой домысел о покушении он не отвергал.

Налил полстакана красного вина.

Собственное производство.

Без сахара и без воды.

Лехаим! К жизни!

23. Первое проклятие страху

Весной 1994 средства связи пугали.

Появились дикторы с голосами и лицами прокуроров, которые обвиняли и требовали признаться в совершении преступлений.

Прежние дикторы не отставали от новых.

Передача новостей походила на судебное заседание.

Кто хотел бояться, разбегались и прятались.

Я позвонил нескольким преследуемым организациям и лицам.

У меня были сумасшедшие предложения.

Ответов не было.

Тогда решил сам: не бояться.

Раскрыл книгу на иврите «Мой Израиль».

На титульном листе надписал на иврите:

«Благословен Барух! (Гольдштейн)

*Большевику Рабину,
который начал войну против еврейского народа,*

который продолжает дела евсекции.

*Если не отказываешься от угрожающих и страшных своих дел,
будь ты проклят.*

Подпись:

член "Ках" (не был членом),

член "Кахане хай" (не был членом),

член всех террористических организаций против правительства террора.

15.3.1994».

И отправил.

А фотографию надписи отправил в газеты.

И выехал с семьёй к Хермону.

На подъезде к Кирьят-Шмона остановил полицейский офицер. Проверка документов.

Постов здесь никогда не было.

Офицер и я улыбались друг другу, как давние знакомые.

Не поздним вечером все мои уже спали, устав от свежего воздуха. В доме погасли огни. Я сидел на террасе в темноте.

От внутренней дороги деревни повернули к дому две яркие фары. Остановились на значительном расстоянии, освещая дом. Это был захлам.

Нескладный милуимник с берданкой за спиной под светом фар пошёл к дому. Остановился возле моей машины. Наверное, уверился в её номере. И пошёл обратно.

Захлам развернулся, снова стало темно.

Было не поздно, но свежий воздух усыплял.

24. Второе проклятие страху

Шло время, и я забыл проклятие.

Кто я?

И что мои слова?

Кричала душа.

Авигдор пригласил к дому Рабина в центре Иерусалима накануне Йом Кипур.

Он появился с Торой, обнимал её руками.

Было время молитвы.

С трудом был миньян.

У полицейских миньян был.

И у прессы миньян был.

Подлетела машина, из неё выскочила бойкая бабёнка.

Подошла, как бы случайно оказалась рядом.

Затараторила, улыбаясь во все камеры сразу.

Чекистка для промывания мозгов.

Видел её на другой демонстрации, где она скучала в сторонке, но пресса не появилась, и она смылась.

Время молитвы истекало. Быстро начали молиться.

«Шайка Пульса Денура» – назовёт молившихся Амос Оз после убийства Рабина.

До убийства он был неверующий.

Нет чтобы посмеяться над ненавистными мракобесами, как положено сермяжному неверующему: «Что могут эти ничтожества и их придуманный Б-г?!» (Б-же упаси! – М.Б.)

Но вдруг увидел не мракобесов, а убийц.

А значит, увидел и Б-га Всесильного.

И оказалось, их много – увидевших Б-га.

Они хотят отмщения Б-гу.

Но до Него не добраться.

Тогда хотя бы крови «шайки».

В тот вечер в такое кто-нибудь верил?

Кого-то интересовала молитва?

Полицейские снисходительно улыбались на жидкий миньян.

Бойкая бабёнка не умолкала перед средствами связи, а они на ней готовили хоть какое-то жарово.

Непрофессиональный зритель со временем может её и приметить, но профессиональные лжецы – никогда.

Молитва закончилась.

Все разошлись.

Канун Йом Кипур.

До выстрелов – месяц.

25. Страшила система

Основоположник сменил убиенного.

Показывали его пишущим важное.

Сосредоточен.

Напряжён.

По-ленински скромн.

Стало опасно смеяться.

Выглядело, как оправдываешь убийство.

Страшил уже не кто-то.

Страшила система.

Все ждали выборов.

26. «Советским диктаторам»

Письмо-листочка. 12.1995.

«Ты, который сегодня правишь, ты – диктатор.

Диктатура начинается тогда, когда обещания расходятся с делами.

Злоумышленно или нет – не имеет значения.

Убиенный перед тобой – тоже диктатор.

И за тобой – тоже диктаторы.

Они говорят:

Один – "Партия – родной тёплый дом!"

Второй – "Партия – решит!"

Третий – "Мы так сделаем, что никому не свернуть с этого пути!"

За четыре года диктатуры можно наворочать многое: перекроить карту, заключить соглашения, ещё дополнительно оболванить народ, подготовиться к следующим четырём годам демократической диктатуры или диктаторской демократии, которая здесь изначально.

Почему в маленькой европейской стране дали народу высказаться несколько раз по поводу вступления в общий рынок? Нам бы их заботы: гульден – туда, гульден – сюда. А все-таки почему?

Здесь не дают высказываться. Здесь затыкают рты. Здесь советская диктатура.

Разве вам затыкали рты, когда вы кричали своим политическим противникам "убийцы"?

Убийцы – вы.

Убийцы те, кто строит светлое будущее на крови своего народа.

Вы и сам убитый – убийцы убиенного.

И ещё многих.

Вы – поджигатели.

Вы поджигаете половину народа против другой половины.

Незадолго до смерти убиенный ещё поджёг, заявив: "Начинается борьба двух мировоззрений!". Почему не выступил с этим перед выборами?!

Что это за борьба, когда в руках одного мировоззрения вся власть и средства подавления?!

Такое поджигательство приглашает народного мстителя.

Судить надо вас – поджигателей, а не народного мстителя.

После советских диктатур бывает только разруха. Но здесь может быть ещё и новая катастрофа еврейства.

Вас это не колышет, потому что самое справедливое мироустройство – это когда вы, советские, у власти.

Любой ценой.

Ценой катастрофы.

Ваше мировоззрение – не мировая классика, что война – продолжение политики другими средствами; и не еврейская классика, что Израиль окружают народы-бандиты.

Ваше мировоззрение – собственный пуп: "Я надеюсь", "Я очень надеюсь", "Я так думаю", "Я верю", "Я очень верю", "Я".

Только советские могут строить светлое будущее в паре с народами-бандитами.

Только советские верят еще лжепророкам, которые ведут в светлое будущее.

Как все советские диктаторы, вы пусты.

Убиенному было все равно: что ломать руки-ноги убийце, что пожимать руки убийце.

Главное, чтобы были аплодисменты, чтобы в лучах славы.

Сбылась мечта. Весь мир смотрит на тебя. Конгрессы. Аплодисменты. Все встают.

Это ваша болезнь. Никаких аплодисментов и славы вам не хватит. Вы никогда этим не насытитесь. Вы неизлечимо больны.

Советскими не рождаются, но советскими умирают».

27. Листовку «Советским диктаторам» раздавал

Листовку «Советским диктаторам» раздавал возле взорванных автобусов.

По реакции на листовку видел топтунов.

Они всегда находятся там, где надо, и тогда, когда надо.

Раздавал листовку на развилке улиц Яффо и Шломцион.

Сразу после взрыва.

Большинство начинают читать или кладут в карман.

На меня никто не смотрит.

Я гляжу на них.

Женщина средних лет после прочитанных первых строк обернулась ко мне серым от злобы лицом.

Молодой мужчина вцепился в листовку обеими руками, пробежал по ней глазами, дёрнулся в сторону полиции, которая рядом на горке, и оглянулся – убедиться, что я на месте, а я смотрел на него, не отводя взгляда. Его порыв прошёл, да и в конце листовки были имя, адрес, телефон. Мужчина сделал вид, что куда-то идёт.

Так увидел топтуна.

Обычный израильтянин.

Ничего плохого не подумаешь.

Замечаешь, кто он, после ошибки, даже совсем малюсенькой.

Ошибки те же, что и у их подельников из предыдущей утопии.

Оттуда их принимают по нефальшивым трудовым книжкам или по рекомендациям.

Тридцать лет назад были жалобы на некоторых, про которых знали кое-что, – так официальные товарищи заявляли неофициально, что здесь не судят за то, что было там.

Этого вполне достаточно для бывшего там чекистом, чтобы начать новую жизнь, но кто устоит против халявы – продолжать отслеживать дружков и знакомых.

Служить чека там, служить чека здесь, служить чека и там и здесь.

Главный признак чекиста – что он тебя видит первым. Всегда первым – он, и лишь потом – ты. Но не наоборот.

28. Возьмёте меня лежачим

Первая повестка пришла почтой: явиться 31.3.1996.

Когда-то она должна была прийти.

Вторая повестка пришла почтой: явиться 23.4.1996.

Позвонили и предупредили, что приведут, если не явлюсь.

Ответил: «Сам не явлюсь, возьмёте меня лежачим».

Оставили свой телефон, чтобы я звонил.

Записал.

Третью повестку принесли на дом.

Приметил человека во дворе, который высматривал меня, ожидая.

Когда я зашёл домой, он позвонил и подал повестку, не лез в открытую дверь и смущался, предупреждая. Явиться 6.5.96. Оставил тот же телефон.

Я человек гражданственный. Откликнулся.

Позвонил, что если хотят поговорить со мной о политике, то место – у меня дома, а время – девять часов вечера, когда по телевизору новости.

Мне перезвонили и назначили день.

Жене сказал, что ко мне придут, – без подробностей, чтобы не волновалась.

За пять минут до назначенного времени звонок в дверь.

Открываю. В двери стоит красавец молодой.

Мы с женой устраиваемся возле телевизора – скоро выборы. Нашлось место и красавцу.

Сумочку с аппаратурой он выставил перед собой на столик.

Сразу зазвонил его телефон, но красавец медлил взять его в руки.

Я попросил его ответить, что он жив-здоров.

Экран убеждал, что основоположник победит молодого, подающего надежды.

Я молчал, думал о своём.

Жена возражала экрану.

Красавец долгое время слушал её вежливо. Передача новостей подходила к концу.

Но вдруг догадался, что так мы распределили роли, и протянул мне бумагу. Это было письмо «Советским диктаторам».

- Вот в этой фразе, – он ткнул пальцем в середину листа, – призыв к убийству.

- Такое поджигательство приглашает народного мстителя, – прочёл я и возразил: – Это не призыв, это предвидение того, что может произойти.

Мы ещё поперекались и дружески расстались.

У двери красавец спросил:

- За кого голосуете? – Не получив ответа, сказал понимающе: – Ну конечно, за русскую партию. – И на прощание улыбнулся.

- Кто это такой симпатичный? – спросила жена, когда он ушёл.

- Редактор, – сказал я.

Все ждали выборов.

29. Жёлтая пресса

Жёлтая пресса – венец демократии.

Нет жёлтой прессы – нет демократии.

Была бы жёлтая пресса, было бы в ней рядовое сообщение:

«Нас отстреливают, как лис в Йоркширском графстве! Слава Б-гу, у нас ничего не умеют делать до конца! Даже отстреливать!»

Такой вольной прессы нет.

Поэтому да здравствует жёлтая пресса!

Которой нет и не будет.

30. Один день жёлтой прессы

Когда повесток оказалось три, разослал их в газеты.

Журналист с обмотанной проводами головой, наушниками и торчащей антенной вразумил меня, что никто не ответит.

Но мне позвонили.

Со мной говорила женщина с плохим русским, но ей так было удобнее, чем слушать мой иврит.

Затем пришёл фотограф. Меня он замучил. Когда через несколько дней увидел своё фото в газете, понял, чего добивался художник – чтобы моя тёмная кипа слилась с темнотой ночи за окном.

Под фотографией – надпись: «Есть кое-что в его словах».

Ниже – заголовок: «Буквально, как в России».

Ещё ниже – подзаголовок: «Отказник алии, который утверждал, что Израиль – советская диктатура, вызван на расследование по подозрению о высказываниях против государства. Видно, он не такой уж и странный чудак».

И текст:

«Михаэль Бабель, в прошлом отказник алии и странный чудак в настоящем, публикует книги и статьи, утверждающие, что Израиль – советская диктатура. В последнее время трижды был вызван на расследование в полицию. Причина, по словам полиции, "высказывания против государства". Это-то и вызывает сомнение, что, может быть, в сущности, он не такой уж и странный чудак.

Бабель совершил алию примерно двадцать лет тому назад. Недавно опубликовал книгу, сравнивающую Россию с Израилем, и доказывает, что Израиль – государство советское.

"Израиль создан теми же большевиками", объясняет Бабель основы своей теории.

"Гистадрут – коммунистический орган и он всё ещё существует. И всякие рабины и гужанские и их дети заражены вирусом коммунизма".

На прошлой неделе провёл личную демонстрацию напротив кнессета, у него были транспаранты "Да здравствуют Маркс, Энгельс, Рабин, Перес!", "Да здравствует Израиль – последний оплот советизма!" и подобные.

Первая повестка с вызовом на расследование пришла к Бабелю два месяца назад, через месяц пришла вторая повестка, третью к нему домой доставил полицейский на прошлой неделе.

По словам того же полицейского, повестка по поводу открытого письма Бабея под названием "Советским диктаторам".

Бабель раздавал письмо прохожим на месте взрывов автобусов в городе.

В этом письме Бабель называет, с намёком на них, Рабина и Переса "диктаторами", окружающих арабов – "бандитскими народами" и Арафата – "убийцей". Он утверждает, что Рабин и Перес "поджигали половину народа против другой половины народа" и что "такое поджигательство приглашает народного мстителя, и судить надо поджигателей, а не народного мстителя".

Бабель заявляет, что не подчинится вызовам, а только постановлению суда.

"Я не боюсь полиции здесь, как не боялся её там", – сказал Бабель.

Помощница представителя полиции округа, инспектор Мейхаль Цимберг: "Этот человек вызван на расследование вследствие высказываний против государства. Если он не явится, полиция доставит его на расследование»».

Юлия Хромченко, «Кол аир», 17.5.1996

До выборов было 12 дней.

Статья собрала недостающие несколько тысяч голосов.

И основоположник не прошёл.

Налил полстакана красного вина.

Собственное производство.

Без сахара и без воды.

Лехаим! К жизни!

31. «Да здравствует Аман!»

В 2004 году перед Пуримом позвонил некто Арье. Ему нужен чертёж. Меня он нашёл в телефонной книге. У него пять домов. И компаньоны. Он отделяется от них. Чертёж нужен ему для этого отделения. Мне всё объяснит на месте. Внизу, под ним (в подвале?), его контора.

- Что у вас есть? Чертёж? Дискет? – спрашиваю по делу.

- Да, – подхватывает он, – есть дискет.

- А в каком виде нужен чертёж – на бумаге или на дискете? – спрашиваю только по делу.

- На месте объясню, – отвечает. – Нужно добавить разрезы. Работы на три дня. Плачу наличными. – Тон работающего по-чёрному.

- Сейчас будет Пурим, – ищу я возможность тянуть время.

Сомнения вызвал разговор: поведут вниз – в подвал? А чтобы не боялся, сказано, что там контора. И вопросы мои деловые застают его врасплох.

А тут такое удобство: завтра – Пурим, а послезавтра – Шушан-Пурим.

Моя находка выглядит естественно.

- Так назавтра после Шушан-Пурим подъеду, – предлагаю я.

На следующий день – Пурим.

Делаю проверку:

- Алё, Арье, это Михаэль. Пошли мне чертёж по электронной почте. Сегодня все так делают. И я буду в курсе дела.

- Да какая почта, какой интернет! – смеётся Арье. – Я – курди. Плачú наличными.

Курди забыл, что хвалился дискетом.

На следующий день – Шушан-Пурим.

Делаю проверку.

- Алё, Арье, это Михаэль. По какому адресу завтра ехать?

- Михаэль, я это передал другим, – отвечает курди серьёзно.

- Всего хорошего, Арье!

А у меня были весёлые планы – позвонить в полицию об этом адресе.

Но разве они дали бы адрес!

Что им надо? Можно просчитать варианты.

Совсем недавно так подготовили покушение. Сейчас прослушивают меня не менее тщательно. Только государство может безнаказанно тащить меня в подвал.

Да пошли они...

У меня начинается пуримский пир. Обязан хорошо набраться, чтобы кричать «Да здравствует Аман!»

Все требуют только моего вина: «Открывай ещё бутылку!»

Да разве с моего наберёшься? Только на сердце будет хорошо!

За час не набрался.

Среди шумного пира делаю ещё одну проверку.

Отвечает электронная секретарша: "можно оставить сообщение".

Свою проверку они закончили. Я не закончил свою.

Оставляю сообщение: «Арье, это Михаэль. Передай привет твоей компашке, которая занимается мною».

А пир шумит: «Ещё вина! Твоего!»

Дети, которые на руках мам, притихли – пугаются отцов и дедов.

Ещё час открывания бутылок.

Как хорошо на сердце! Обязан набраться!

Звонит «Арье»:

- Кто звонил мне?

Звонит – как будто не знает куда? Спрашивает – как будто не слышал моего сообщения? И это при пяти домах? И компаньонах, с которыми разводится? Да ещё курди? Да ещё называет номер своего телефона 050-256947, который не засвечивается, – как будто помогает вспомнить?

- Арье, это я – Михаэль! – кричу счастливый, что уже набираюсь.

Арье что-то говорит, я слышу, но мозги не могут повторить, чтобы запомнить, – значит, набрался, но не совсем, потому что ещё не кричу про Амана.

- Арье! – кричу, перекрикивая пир. – Пу-рим! Освобождение от всех врагов евреев и от кэгэбэ!

Возвращаюсь на пир.

Налил полстакана красного вина.

Собственное производство.

Без сахара и воды.

Лехаим! К жизни!

Но где мужики? – за столом одни женщины с детьми на руках.

Наверное, под столом.

И я туда опускаюсь.

Набрался.

Кричу:

- Да здравствует Аман!

32. Как меня били

22.12.1997, «Сад роз», возле Кнессета.

По дороге на демонстрацию с заднего сиденья машины мой богатырь учил меня.

В переднем зеркале было видно его посерьёзневшее лицо.

- Вы делаете только то, что я скажу, никакой самостоятельности, – его лицо выражало беспокойство, он напряжённо думал.

- Профессионал, – радовался я, моё напряжение уменьшалось.

У входа в «Сад роз» народу немного. Сад выше, демонстрации не видно, доносится гул.

Я остановился осмотреться. В руке нейлоновый мешок с мегафоном. Мой богатырь уже работал, стоял за моей спиной, обзревая всех и вся. Я ничего подозрительного не увидел, постоял немного и двинулся внутрь сада, мой богатырь за мной. Приблизился к заднему ряду большой толпы. Впереди толпы трибуна, а в отдаленье за мной кнессет.

Вынул из мешка мегафон и крикнул в спины людей: «Вас обманывают! Вас используют!»

Мой богатырь тихо ахнул, я понял – из-за моей самостоятельности.

В мегафон больше не успел крикнуть.

Искавшие мою душу оказались совсем рядом.

Мой богатырь оттеснил меня чуть и прикрыл с трёх сторон, а сзади оказалось дерево с ветками до земли, как стена.

Меня не били.

Били моего спасителя.

Били тихо.

Это были не любители-демонстранты – старые пердуны.

Это не было гласом разгневанной толпы.

Из толпы шикали: тише!

Полезть на моего спасителя могли только по заданию, но не по хотению.

Скала.

Нападавших чекистов двое.

Вооружение – профессиональное, как у их подельников у кремлёвской стены. Там били солидными портфелями командировочных, набитых кирпичами. После удара таким портфелем человек не поднимался, его подбирала быстро подлетающая машина. Возмущённый командировочный недолго бранил всяких там отщепенцев за недостойное поведение в святом для советского человека месте. Даже толпа не успевала собраться, как всё моментально стихало.

А тут сумочки компактные, на полкирпича, ручка не болтается, как у портфеля, – удар полный, увесистый.

Мой спаситель отводил удары согнутыми в бумеранг руками или гасил своим могучим телом.

Нападавшие с первых взмахов дышали тяжело, надолго их не могло хватить.

Злоба, что мешают им добраться до цели, косила их лица.

Задание остаётся невыполненным.

Моё сознание прояснилось. И я увидел за моим спасителем и за нападавшими третий план – чекист-фотограф, атлет, как циркач, приседает и вскакивает – ловит моменты, когда между сражающимися телами видно меня.

С фотографиями удобнее – можно оставить только обвиняющие, а видеокассету придётся раскрутить полностью.

Дыхание подводит нападающих, машут сумочками реже и в пустоту, в ход идут ноги.

Спаситель даёт тихую команду отходить.

Пятимся, несколько шагов – и дерево разделяет нас от нападавших, которые исчезают.

А за деревом новые два чекиста, стоят рядочком.

И Лев Юдайкин один из них.

И ты, Лёвчик!

- Ты что тут делаешь? – удивляюсь.

- Да есть тут знакомые, – отвечает, потупив невинные глазки.

И стоит так тихонько.

Свидетелем стоит.

На суде.

Лёвчик расширяет невинные глазки и говорит мне, но для судьи: «Ты, Миша, мне друг, но ведь это правда, ты ударил».

А тут ещё один чекист, согнулся низко, до земли, как на четырёх идёт, и морду выкручивает от земли ко мне, и шипит, как было принято у нас на Тишинках: «Ну, отойдём в сторону, ну отойдём, бля!» И подставляет морду под мегафон в правой руке. Жертвует собой – перевыполняет план, лишь бы выполнить задание.

Ой! Как хочется раскрыть. Г-споди! Спаси!

И Лёвчик обращается к судье, разводит руками: «Такого я не ожидал». Судья кивает ему сочувственно.

Четвероногий выдёргивает мой микрофон, бежит с ним, растягивая гармошку провода, провод тянет меня, вырывается с корешками из мегафона.

Четвероногий слабится победителем.

Соблазняет, сука.

Спаситель за моей спиной – мешает их планам. И мне мешает, ведь и его посажу.

Ой! Как хочется!

А свидетель обвинения Лёвчик рядышком.

- Скажи ему, чтобы отдал микрофон, – говорю человеческим голосом, потерпевшего убыток.

Тупит невинные глазки – вошёл в роль по системе Станиславского, но с выходом – только по команде. Она-то, система, и выдаёт.

Поспевает фотограф с бычьей шеей, мускулы не укладываются в пиджак и брюки, выпирают. Его роль – перемалывать кости, но лезет с вопросиками – доигрывает роль прессы. Система выдаёт и его.

...Возвращаю Спасителя. По дороге заскакиваем в забегаловку, где в большие лепёшки закручивают много мяса. Спасителя надо хорошо подкрепить. Одной порции мало. В машине держит кулёк, при мне не ест. Не жаден.

Прощаемся. Последние слова длинной благодарности.

Спаситель вышел из машины. Я хотел последовать за ним, но он снаружи придержал мою дверь, не надо, мол, выходить.

И прямо перед моими глазами встал бурый след большого ботинка на его спортивных штанах, ниже святого органа.

День был сырой, обувь оставляла след.

- Ой! – дрогнул мой голос и залило глаза.

С его ростом не достали, а мне пришлось бы как раз.

Не клялся, но уже знал, что если Б-г даст, внукам буду рассказывать, молиться буду, чтобы у него, ещё не женатого, было много детей.

Это он прочёл в моих глазах.

- Пронесло, – улыбнулся Спаситель и пошёл от машины.

Он слышал, что машина не трогается, но не обернулся, чтобы не устыдить меня.

Я плакал ему вослед.

33. Как писали о том, что били

23.12.1997, «Вести», А.Прилуцкий, чекистская пресса: «Как выяснилось, у рядовых демонстрантов было собственное представление о гордости. И когда какие-то сомнительные личности попытались помешать митингу, взывая через мегафон к его участникам не поддерживать партийных интриганов, особенно из "Исраэль ба-алия" (русская партия – М.Б.), им ответили не только крепкими словами, но и крепкими подзатыльниками. Едва ли после этого они вновь появятся на подобных собраниях».

Чекистское подстрекательство – хуже убийства.

Тора: «...злонамеренно ударит он его рукой, и тот умрёт, – смерти будет предан ударивший, убийца он; кровомститель может умертвить такого убийцу, встретив его».

Вот встретил его, который хуже убийцы.

Мой публичный плевок. Смачный.

Влипают в его глаза, густо стекает у носа в угол рта.

...И будем сходиться.

Презрительно выплёвывать косточки от вишен в небрежно поднятой в сторону руке.

В другой, свободно опущенной, дуэльное оружие – волочится по земле дубина.

34. Как это делается в Израиле

22.5.1997. За высокой решёткой забора в глубине двора тюрьма.

По ту сторону решётки несколько сотрудников тюрьмы. Перед решёткой большая толпа с телекамерами и микрофонами на палках. Они приехали издалека под палящее солнце пустыни, которое загнало их тени под ноги.

От большого шоссе по узкой дороге мы подъехали на машинах к решётке ворот.

Авигдор держал большой домашний пирог двумя руками. Ещё один – прижал к груди пышный букет цветов. У меня на ладони, как на подносе, стояла бутылка шампанского. Как только она оказалась у меня в руках, я

держал её только так, но не за горлышко, чтобы не сошла за оружие в случае провокации.

Телекамеры смотрели на Авигодора, корреспонденты выкрикивали вопросы.

- Ты оправдываешь убийство, – без вопроса и громче других крикнул один корреспондент.

- Это ты сказал! – резко ответил Авигодор и уже спокойнее продолжил объяснять свою позицию.

Потом он попросил стоявших за решёткой передать Амиру пирог, вино и цветы – сегодня его день рождения, и получил ответ: не положено.

Неожиданно между забором и Авигодором оказался короткий человечек.

Откуда он вынырнул в этой пустыне?

Человечек качался, размахивал ручками, повторяя одну фразу:

- Эти мне религиозные! Эти мне религиозные!

Камеры повернулись к нему.

Вдруг Авигодор ойкнул, дёрнул головой, схватился за глаз. Оставленный в одной руке пирог в тонкой формочке, искривился, но на землю не упал.

Человечек продолжал куражиться.

Камеры следили за ним и за Авигодором. Все чего-то ждали.

- Он что, стукнул в глаз? – рассердился Авигодор, часто заморгал, рассматривая не занятую пирогом руку, – проверял глаза.

Его рука сложилась в локте и выпрямилась к лицу человечка, но не достала того.

Не случайно тот качался, как на ринге, – ловко ушёл от удара.

Эта фотография утром будет во всех газетах.

Утром человечек будет отвечать на вопросы в специальной радиопередаче, посвящённой ему, – национальному герою, который встал против экстремистов, ультраправых за честь любимого генерала.

Он еле шевелил языком, жаловался на плохое самочувствие от полученного удара и всхлипывал.

Когда слушателей хорошо накачали, диктор голосом Левитана объявил: «Вся страна с тобой, Песах!»

Так звали того человечка, скоро он умер от болезни с пугающим названием, тридцать дней прошли, мир праху его.

А пока между ними уже стоял полицейский.

В пустыне человечек подал жалобу, в пустыне задержали Авигодора.

35. Прячут концы чекисты

Концы – это когда проглядывает чекистское присутствие.

Моя аксиома: «Главный признак чекиста: он тебя видит первым, всегда первым – он, и лишь потом – ты. Но не наоборот». С её помощью держу конец – один из множества – чекиста Валеры Коренблита, который окликал меня месяцами три раза в неделю на одной и той же улице.

А теперь три раза в неделю показывают мне этого чекиста, который якобы меня не видит. Опровергают мою аксиому: вот ты его видишь первым, а он тебя вообще не видит.

Но показывают на другой улице, на которую перекочевал я, а за мной – и чекист. А это значит, не опровергают аксиому, а оставили ещё один конец.

А показывать надо на прежней улице, которую я покинул из-за этого чекиста, а чекист на ней должен остаться.

Как хочешь – так и показывай, но только на прежней улице. Замани меня туда, но естественно, – и показывай. Работать надо, а не сачковать.

А ещё лучше – принять меня в чекисты. «Я вас, блядей, научу родину любить» – как говорили блатные у нас на Тишинках.

Чекист, которого показывают и который, якобы, меня не видит, крадётся вдоль стен понурый с одной думой: а что если сдали его, чекиста, для претворения в жизнь второй моей аксиомы – «Душить чекистов их воротниками, чтобы не пачкать руки этими блядьми».

Что мне после этого полный каюк – его не утешает.

Но эта аксиома сегодня непригодна.

Ближе к 2018 будут их отлавливать и душить.

Доживут же счастливики видеть такое!

А сегодня с ними не справиться: их – полстраны, а я – один.

За месяц до покушения, у рынка, на углу пекарни – знают, что всегда зайду за хлебом ручной выпечки! – а тут из-за угла, с точностью до одного шага, и руки ещё за углом разведены душить: «Михаэль! Когда заглянешь на площадку в Гило?»»

Сумерки. Тёмные тени людей скользят мимо.

Узнаёшь только лицом к лицу.

Когда уже поздно.

Морис!

Выскальзываю из рук душегуба.

Что-то помешало ему.

А у них строго – светлое будущее строить только чистыми руками.

Но захотелось ещё и плюнуть в чекистскую рожу: закричал, что убивают за книги.

И послал факсы в чекистские ведомства – не чекистских ведомств не бывает.

И в чекистскую прессу – не чекистской прессы не бывает.

А один день жёлтой прессы уже был, и ещё один день – это уж слишком.

Чекистская пресса установит диагноз – мания преследования.

Случается с теми, кто был напуган чекистами там.

И с теми, кто был напуган чекистами здесь?

Кокнули-не кокнули – смешная штучка под конец новостей.

И Хаим Явин перейдёт к прогнозу погоды.

36. Что им мои сиськи?

В начале 1973 за несколько месяцев до выезда пришло письмо из Израиля от не известного мне молодого человека. Писал он что-то доброе и приложил свою фотографию, а на голове кепка молодого Гаона из кинофильма, где тот много бегают и много поёт.

Скоро по приезде мы созвонились и встретились. Кто кому позвонил, как договорились о встрече без иврита у меня? Или он говорил по-русски? Но встретились.

Он был в той же кепке, чтобы я мог признать его. Привёл к дому, у подъезда стояли молодые люди, они приветствовали его, чтобы я знал – есть присмотр.

В квартире, при входе в салоне куча белья для стирки, чтобы нормально пахло, но не преступлением.

Он посадил меня на тахту, налил вино в две рюмки, одну дал мне, я пригубил. Он сел рядом, прижался, расстегнул верхнюю пуговицу моей рубахи, сунул руку под майку и щупал соски.

Я не шевелился, и он отодвинулся.

В ближайший мой приезд в Тель-Авив из глухой провинции, куда меня загнали чекисты от Сохнута, его показали ещё раз на автобусной остановке: без гаоновской кепки, в приличном костюме, с престижным портфелем, он прошёл возле меня, сдержанно кивнул и вошёл в автобус, который отошёл.

Показали, чтобы не думал плохо.

37. Что им мои яйца?

Прошли тридцать лет с того дела и полгода от покушения.

2.3.2004. 9:30 утра, больница «Хадасса Эйн-Керем». У меня очередь к профессору-урологу Подэ по пустяковому расстройству.

Прибыл в назначенное время. Среди ожидавших приёма оказался Абрам Соломон – давний знакомый, бывший сосед по дому, построенному для новоприбывших. Изредка встречались в городе, обменивались крайне противоположными взглядами на события. Больше слушал он.

Обычное выяснение между знакомыми: «У тебя что? Ты к кому? Какая очередь?» – закончилось полной ясностью про меня. А про него было ясно, что он не к профессору, а к кому-то другому.

Потом он рассуждал вслух: делать тут нечего, наверное, лучше пойти в другую больницу, которая ближе к дому.

От места его проживания в центре города до обеих больниц одинаково далеко. Но если уже здесь – чего уходить? И чего терять очередь, которую ждать не один месяц?! А если не заказал очередь предварительно – так с тридцатилетним стажем пребывания в стране без очереди сюда не приходят.

И ты, Абрамчик!

Чекист играл плохо. Не ориентировался на местности. Не подготовился.

Про меня он узнал, но не всё. Но его ожидание без очереди могло стать заметным. Поэтому он продолжал сомневаться: идти ли к врачу или уйти? Зациклился на этом.

Меня вызвали к профессору.

Сбоку от стола профессора сидели два чекиста. Профессор спрашивал меня и делал пометки. А я смотрел на чекистов – молодые мужчина и женщина.

Посмотрел женщине в глаза – она их не отвела, не опустила, а ведь знала, что увидит меня голым.

Вчетвером прошли за перегородку. Я лёг на высокую медицинскую кровать, расстегнул ремень, спустил брюки с трусами до ботинок. Над голой нижней частью тела возвышались голые ноги, согнутые в коленях.

Было чуть обидно за мой обрезанный сморщенный кончик.

Профессор оттянул одно яичко, зажал мошонку между пальцами – яичко оказалось у него в ладони. В таком моём положении он долго научно поучал чекистов, которые стояли за моей головой. Потом надел тонкую прозрачную перчатку на правую руку, вазелином намазал указательный палец и сунул в заднее отверстие. И в этом моём положении он давал долгие пояснения.

Потом профессор вышел, не положив мне на живот салфетки для вытирания от вазелина, как было в прошлый мой визит ровно год назад. Я ждал. Приблизился чекист и неожиданно быстро вставил и вынул палец. А чекистка бросила мне на яйца несколько салфеток.

Не было обидно за промах с чекистами – всё в их руках – и жизнь, и заднее отверстие.

Задели меня салфетки, которые профессор осторожно клал на живот, а эта блядь швырнула.

Когда я вышел после осмотра, который взял немалое время, Абрамчик был на прежнем месте.

Я сказал, что у меня нормально, дали очередь через год.

Я собрался уходить.

Если он тоже уйдёт сейчас – так чего сидел? А если останется – мол, были сомнения, но всё-таки к врачу идёт, а значит, и очередь у него имеется.

Чекист принял одобренное мной решение – остаться.

И никаких концов.

Это пусть рассказывают другим. Но только не мне.

За людьми всегда остаются концы.

А вот что чекист засунул пальцем?

Поживём?

Увидим?

38. Приглашение к убийству

Биньямина Кахане убили 31.12.2000. Кто убил – у меня не было сомнений. Как и насчет убийства его отца – большого рава.

Рав знал, что его убьют. Сожалел, что это сделает еврей.

Убиваемые знают, кто убивают и за что убивают.

И я знаю, что пришла моя очередь.

Я не ставлю себя рядом с равом. Я только его давнишний поклонник.

Рав – большой еврей. Тысячи должны быть ему благодарны за его борьбу за наше освобождение.

А я – еврей с большим опытом двух утопий. Ведь кто, как не я, чувствует их руку. Чекистскую.

«Кадры решают всё», – говорил любимый вождь двух утопий.

Полгосударства – кадры для отделов кэгэбэ: для полиции, для прокуратуры, для средств связи, для общественности, для суда и прочих отделов.

Полиция – шьют дело, заводят мотоцикл, опускают маску на глаза.

Прокуратура – открывают любое дело и закрывают любое.

Средства связи – промывают мозги по делу.

Общественность – зрители, слушатели, читатели – правильно понимают дело и одобряют любое дело.

Суд – штампуют дело.

Всё государство – работает на дело.

Всё государство – открытый кэгэбэ: заводи мотоцикл, опускай маску на глаза – кто следующий против?

Дело – что хвост человека.

Тянуть десять лет, чтобы смерть была милее жизни.

Дёргать и задёргать до смерти.

И если не умер, тогда тащить и потом немного отпустить, чтобы запуганный и обессиленный опустился на четвереньки.

Тащить, а потом вообще отпустить, но уже с хвостом кэгэбэ, от которого обещали оставить хвостик.

А если простыми словами: убивает кэгэбэ, а виноват душевнобольной.

И никаких концов.

Но за людьми всегда остаются концы.

ЧП – чрезвычайные происшествия.

В списке ЧП первым – глава правительства. Если что-то случается с кем-то в этом списке, то все чекисты стоят на ушах. По инструкции.

В этом списке нет Биньямина Кахане. Он в другом списке – подлежащих уничтожению, который возглавляет после убийства отца, Меира Кахане. И если что-то случается с кем-то в этом списке, чекисты не должны стоять на ушах. Нет такого списка. Нет инструкции. Даже устной.

Но они стояли на ушах 31.12.2000.

Биньямина убили утром, и уже утром далеко сбоку от меня шёл Израэль Горелик с рюкзаком за спиной, обходя, как и я, разрытую землю в промышленном районе Гиват Шауль, и кричал мне и махал рукой, как бы невзначай узнал. Нагнав, первое и последнее, что сказал: «Пора браться за оружие!»

Я не ответил и не попрощался, пошёл дальше.

И ты, Израэльчик!

Вот тебе и борец против завоза неевреев!

Чтобы сделать из убийства Биньямина ЧП и поставить чекистов на уши – могло просто не быть, но уж никак в то же время.

Чекистам не дали спать те, кто сами не спали, убивая Биньямина.

Перетрухали.

Объяснял Учителю, только что приехавшему, тоже мудрый еврей, старожил: «Они могут всё, даже такое, что ты не можешь себе представить».

Меня убить – обвал приблизить.

Утешает.

Налил полстакана красного вина.

Собственное производство.

Без сахара и без воды.

Лехаим!

К жизни!

18.9.2004